

N. Hans and S. Hessen. Educational Policy in Soviet Russia, London, 1930.

Н. Ганцъ и С. I. Гессенъ сдѣлали очень полезное дѣло, издавъ на англійскомъ языкѣ хорошо документированную книгу о совѣтской школѣ. Иностранная общая и специальная печать — за рѣдкими исключеніями — даетъ совершенно невѣрное освѣщеніе совѣтской школы, въ которой хотятъ видѣть настоящее «новое слово». Увлеченіе совѣтской школой, конечно, не можетъ быть объяснено ни одной изъ причинъ «знатныхъ иностранцевъ», ни ловкостью совѣтскихъ дѣятелей, знакомящихъ лишь съ немногими, дѣйствительно образцовыми школами и приписывающихъ себѣ то, что было сдѣлано въ Россіи еще до большевиковъ. Это все, конечно, имѣетъ мѣсто — кромѣ того на лицо есть еще одинъ факторъ громаднаго значенія — глубокой кризисъ педагогической мысли, охватившій и З. Европу и Америку. Рѣшительный разрывъ съ «старой» педагогикой еще не открываетъ путей къ новой педагогикѣ, еще не даетъ той цѣлостности, того живого синтеза, котораго жаждетъ и теорія и практика школы. Именно въ силу этого совѣтская школьная система, съ ея «міросозерцательной» установкой (связанной однако съ ея принудительной подчиненностью коммунистическому міровоззрѣнію), и кажется «новымъ словомъ» — хотя бы еще несовершеннымъ... Книга Ганца и Гессена убѣдительно и документально разрушаетъ эти наивныя ожиданія, раскрывая, на основѣ совѣтскихъ же данныхъ, всю горькую дѣйствительность, все тяжкое положеніе совѣтской школы. Съ этой стороны книга Ганца и Гессена заслуживаетъ всяческаго вниманія по полнотѣ и точности ея матеріаловъ, по документальности ея данныхъ. Особенно цѣннымъ представляется намъ, въ интересахъ пониманія иностранцами русской школы, то, что характеристикѣ совѣтской школы предпослана краткая, но ярко написанная глава, посвященная исторіи русской школы. Жалко однако, что не достаточно показано другое — генетическая связь лучшихъ сторонъ въ совѣтской педагогической мысли съ тѣмъ, что развивалось русскими педагогами задолго до совѣтской революціи.

Нѣкоторыя частности въ книгѣ Ганца и Гессена, имѣющія въ виду показать «безпристрастность» авторовъ и ихъ свободу отъ «эмигрантской» точки зрѣнія, вызываютъ все-же недоумѣніе. Такія, напр., утвержденія, какъ то, что «совѣтская конституція достаточно демократична» (гл. XIX), или то, что «мѣстные совѣты являются реальной школой демократіи для крестьянъ» (*ibid.*) — не спасаютъ авторовъ въ глазахъ совѣтофильскихъ педагоговъ, а въ нашихъ глазахъ лишь ослабляютъ цѣнность книги.

В. В. Зъньковскій.

N. Hans. History of Russian Educational Policy. London, 1931.

Книга Н. Ганца, дающая историческій обзоръ судебъ русской школы, составляетъ естественное и необходимое дополненіе къ упомянутой выше книгѣ того же Н. Ганца и С. I. Гессена о совѣтской школѣ.

Тему новой книги Ганца надо признать чрезвычайно актуальной, а выполнение ее — в общем очень удачным. Книга Ганца интересна в нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и для освѣдомленнаго русскаго читателя — тѣмъ болѣе цѣнна она для читателя иностраннаго.

Существеннымъ недостаткомъ книги является то, что за очень небольшими исключениями исторія русской школы излагается оторвано отъ исторіи педагогическихъ идей въ Россіи. Повезло одному только Пирогову, которому авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ и о которомъ вспоминаетъ не разъ въ своемъ изложеніи. Особенно досадно то, что совершенно не упомянуто объ Ушинскомъ; идеалъ національной школы, выработанный Ушинскимъ, этимъ замѣчательнымъ педагогомъ-«народникомъ», нигдѣ не связанъ у Ганца съ проблемами школьной политики — хотя онъ фактически имѣлъ громадное значеніе въ развитіи земской, а позднѣе и государственной школы. Исторія школьной политики въ земствахъ и городахъ вообще тѣснѣйшимъ образомъ связана (во второй половинѣ XIX и XX в. в.) съ различными теченіями въ русской педагогикѣ. Авторъ сдѣлалъ поэтому ошибку, сосредоточивъ свое вниманіе лишь на школьномъ законодательствѣ и искусственно оторвавъ исторію школьнаго дѣла въ Россіи отъ творческой инициативы, отъ педагогическихъ идей, которыя развивались въ Россіи. Различныя интересныя начинанія отдѣльных педагоговъ, педагогическихъ группъ связывали себя со школьными учрежденіями въ крупныхъ городахъ, — особенно интересно и поучительно то, что связано съ Москвой, Петербургомъ и другими крупными центрами. Страннымъ образомъ изъ обзора школьной политики выпало у Ганца все дошкольное дѣло, развивавшееся при большомъ участіи государства; недостаточно освѣщено вышешкольное дѣло въ городахъ. Книга вообще неполна, хотя съ другой стороны въ ней много ненужныхъ деталей. Со всѣмъ тѣмъ нельзя не приветствовать ея появленія, нельзя не пожелать ей распространенія.

В. В. Звѣтковскій.

Krassine. Par sa femme Lubov Krassine. — Traduit de l'anglais. NRF. — Paris, 1932.

Вдова совѣтскаго вельможи Красина выпустила на англійскомъ и французскомъ языкахъ книгу о своемъ покойномъ мужѣ. Предназначенная для иностраннаго читателя, книга эта содержитъ кой-какія политическія соображенія и оцѣнки автора и весьма цѣнный матеріалъ для біографіи «краснаго кулца», пробывшаго совѣтскія окна въ Европу и въ такомъ качествѣ занимавшаго одинъ изъ самыхъ ответственныхъ постовъ въ системѣ государственнаго управленія ВКП.

Совершенно естественна склонность автора стилизовать жизнь и образъ близкаго ему человѣка. Но въ данномъ случаѣ эта склонность выходитъ за всѣ законные предѣлы. Леонидъ Красинъ въ изображеніи своей супруги оказывается не только чище альпійскихъ